

На правах рукописи

Костина Ксения Георгиевна

ТИПЫ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ УДМУРТСКОГО ГЛАГОЛА

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2022

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель

Кондратьева Наталья Владимировна
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Мосина Наталья Михайловна
доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва», кафедра английского языка
для профессиональной коммуникации,
профессор (г. Саранск)

Сажина Светлана Александровна
кандидат филологических наук,
ФГБУН ФИЦ «Институт языка, литературы и
истории Коми научного центра УрО РАН»,
отдел языка, литературы и фольклора,
старший научный сотрудник (г. Сыктывкар)

Ведущая организация:

ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
им. В.М. Васильева» (г. Йошкар-Ола)

Защита состоится «22» апреля 2022 года в 9.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.06 на базе ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, ауд. 003.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Автореферат размещен на официальном сайте Минобрнауки РФ vak.minobrnauki.gov.ru и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» <http://udsu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

О. Б. Стрелкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению особенностей функционирования категории залога и залоговых конструкций в современном удмуртском языке.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена малоизученностью исследуемой проблемы в удмуртской лингвистике, несмотря на то, что изучение категории залога и залоговых конструкций в отечественном и зарубежном языкознании имеет длительную историю. Залог глагола в качестве предмета исследования рассматривался в отдельных языках народов Российской Федерации: марийском (Л.П. Васинова, И.С. Галкин, Е.И. Коведяева, М.В. Ямбулатова и др.), мордовских (И.В. Ведяшкин, Н.М. Мосина, А.Е. Смиреникова, Н.В. Чинаева и др.), мансийском (Е.И. Ромбандеева), пермских (В.К. Кельмаков, В.И. Лыткин, Р.А. Микушев, Б.А. Серебренников, И.В. Тараканов, Г.А. Ушаков, Е.А. Цыпанов и др.), тюркских (Н.И. Данилова, Х.Ф. Исхакова, З.И. Салыхова и др.) языках и др., однако до сих пор отсутствует комплексное исследование залоговых конструкций в системе современного удмуртского языка. Так, актуальность изучения глагольной категории залога определяется недостаточно полным описанием особенностей функционирования залоговых конструкций в грамматике удмуртского языка, необходимостью выявления этимологии формантов каузативного и рефлексивного залогов.

Являясь ядерным элементом предложений, глагол обладает высокой частотностью употребления и требует особого внимания. Теоретические аспекты исследования актуальны и для смежных дисциплин: синтаксиса, лексикологии, изучения языков в типологическом и контактологическом аспектах.

Востребованность исследования глагольной категории залога обусловлена также и тем, что рассмотрение вопроса может дать более полное представление о месте удмуртского языка среди родственных финно-угорских и других языков мира, позволит выявить динамические процессы развития исследуемого языка.

Объектом исследования является категория залога как одна из основных глагольных категорий, реализуемая многообразием залоговых конструкций.

Предмет исследования составляют каузативные и рефлексивные залоговые конструкции, представленные в современном удмуртском языке.

Тема и подход к изучению языкового материала определили **цель** исследования, которая заключается в выявлении основных типов залоговых конструкций в системе современного удмуртского языка.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- 1) обобщение и систематизация научных исследований в области изучения категории залога и залоговых конструкций в лингвистике;
- 2) уточнение понятийно-терминологического аппарата теории залога и залоговых конструкций в удмуртской лингвистике;
- 3) изучение и описание типов каузативных залоговых конструкций, особенностей их функционирования в удмуртском языке;
- 4) выявление и описание типов рефлексивных залоговых конструкций, особенностей их функционирования в удмуртском языке.

Методы, применяемые в работе, определяются предметом и задачами исследования. Исследование выполнено с позиций функционально-семантического подхода, специфика которого заключается в рассмотрении лингвистических явлений в направлении от формального выражения к семантике. В работе применяются общепринятые лингвистические методы: описательный, сопоставительный, количественный; метод сплошной и частичной выборки, метод контекстуального анализа. Использование перечисленных методов допускает возможность рассмотрения на конкретных языковых примерах семантики, структуры, динамики и особенностей функционирования категории залога глагола в удмуртском языке.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей по пермскому и финно-угорскому языкознанию (Ю.В. Андуганов, И.С. Галкин, Д.Е. Казанцев, В.К. Кельмаков, В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская, Р.Ш. Насибуллин, Б.А. Серебренников, И.В. Тараканов, Г.А. Ушаков, Е.А. Хелимский, Д.В. Цыганкин, Е.А. Цыпанов, R. Bartens, D.R. Fokos-Fuchs, P. Hajdu, D. Lako, K. Redei, Y. Wichmann и др.); исследования в области семантического синтаксиса (В.В. Богданов, В.Г. Гак, И.Б. Долинина, Ч. Филлмор, W. Chafe); исследования в области теории глагольных диатез и залогов (А.А. Холодович, В.С. Храковский); исследования в области межкатегориальных связей и взаимодействия в грамматике (А.А. Бондарко, Е.Е. Корди, Н.И. Пушина, Ю.В. Терешина, Т.С. Шмелева и др.); исследования в области семантики и синтаксиса каузативных глаголов (Е.А. Гордон, В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий, С.В. Шустова и др.) и другие.

Материалом исследования послужили художественные произведения классиков удмуртской литературы, включенные в состав Национального корпуса удмуртского языка; печатные средства массовой информации; издания научного и учебно-методического характера; разнообразные диалектные и фольклорные тексты. Также источниковой базой стали иллюстративные материалы, полученные в результате сплошной выборки из «Удмуртско-русского

словаря» (2008). Подстрочный перевод фактического материала на русский язык выполнен автором самостоятельно.

Использование источникового материала разных стилей и содержания, широкого временного диапазона обусловлено стремлением получить объективные и точные результаты, обеспечить достаточно полный охват исследуемого явления с включением всех релевантных для него признаков.

Научная новизна работы заключается, прежде всего, в самом объекте исследования – категории залога в удмуртском языке, которая рассматривается как одна из основных глагольных категорий, реализуемая многообразием залоговых конструкций, объединенная в отдельную подсистему глагола на основании морфологических, синтаксических и семантических признаков. Впервые уточняются типы залоговых конструкций удмуртского глагола. Среди глаголов реципрокного значения выделяется социатив, обозначающий симметричное взаимоотношение актантов с симметричными семантическими ролями.

Теоретическая значимость работы состоит в выработке комплексного подхода к рассмотрению категории залога и залоговых конструкций в удмуртском языке; выявлении типов залоговых конструкций удмуртского глагола; определении их семантического наполнения.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания ряда лингвистических дисциплин: общего и финно-угорского языкознания, теоретических основ удмуртского языка, теории и практики перевода, а также при составлении учебных пособий и грамматик для вузов. Представляется возможным включение полученных данных в спецкурсы и семинарские занятия по проблемам функциональной грамматики, сравнительной типологии разноструктурных языков. Основные выводы и материалы исследования могут найти отражение в лингводидактических разработках, касающихся аспектов функционирования глагольных категорий. Результаты работы могут быть полезны специалистам в области автоматической обработки естественного языка, компьютерного анализа и синтеза текстов, в том числе – и в рамках машинного перевода.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Результаты, полученные в ходе исследования, соответствуют паспорту специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)».

Идеи настоящего диссертационного исследования отражены в следующих **положениях**, выносимых на защиту:

1. В современном удмуртском языке категория залога, обладающая морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками,

представлена системой бинарных оппозиций каузативного – некаузативного, рефлексивного – нерефлексивного залогов, каждый из которых имеет свое грамматическое выражение.

2. Структурными элементами каузативных конструкций являются каузатор (инициатор действия), агенс (одушевленный актант принуждения), перцептив (одушевленный актант воздействия) или объектив (неодушевленный актант воздействия). Отношения между ними регулируются каузативными глаголами, маркированными показателем *-m(ы)-*, и выражающими значения принуждающего влияния.

3. В зависимости от наличия / отсутствия актантов каузативной ситуации, в литературном удмуртском языке выделяется шесть типов каузативных конструкций: однообъектно-двусубъектные, однообъектно-односубъектные, однообъектно-бессубъектные, безобъектно-двусубъектные, безобъектно-односубъектные, безобъектно-бессубъектные.

4. Глагольные формы, маркированные суффиксами *-ськ(ы)-*, *-ск(ы)-*, *-иськ(ы)-*, *-йськ(ы)-*, участвуют в реализации рефлексивных залоговых конструкций с собственно-рефлексивным, медиальным, реципрокным, имперсональным, пассивным значениями.

5. Категория залога в удмуртском языке связана межкатегориальными связями с темпоральностью, таксисом, модальностью, персональностью действий.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры общего и финно-угорского языкознания Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» и Ученого совета КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования». Научные и практические результаты исследования обсуждались на заседаниях всероссийских: «Приоритеты стратегии научно-технологического развития России и обеспечение воспроизводства инновационного потенциала высшей школы» (Ижевск, 2019), «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (Йошкар-Ола, 2019, 2020, 2021), итоговой студенческой научной конференции Удмуртского государственного университета (Ижевск, 2020), Второй школе-конференции по уралистике (Москва, 2020), «Слово и текст в культурном и политическом пространстве» (Сыктывкар, 2021), «Проблемы филологии глазами молодых исследователей» (Пермь, 2021), «Молодая филология – 2021: лингвистика, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин» (Пермь, 2021), «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия» (к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН) (Ижевск, 2021); и международных научно-практических конференций: «Ломоносов – 2020» (Москва, 2020), «Финно-

угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды» (Саранск, 2020), «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященном 100-летию государственности Удмуртии и 140-летию выхода из печати книги Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» (Ижевск, 2020), «Ашмаринские чтения» (Чебоксары, 2020), «II Шесталовские чтения» (Ханты-Мансийск, 2021), «Богатство финно-угорских народов» (Йошкар-Ола, 2021), «Проблемы лингвистической типологии и культурологии», посвященном 90-летию Удмуртского государственного университета и института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики (филологического факультета) (Ижевск, 2021), «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» (Москва, 2021), «Языковое разнообразие в глобальном мире» (Казань, 2021), «Jó gyakorlatok a finnugor nyelvek oktatásában = Преподавание финно-угорских языков в современном научно-образовательном пространстве» (Будапешт, 2021).

По теме диссертационного исследования опубликовано 17 работ, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации (одна из которых включена в базу данных Scopus).

Структура и объем диссертации. Структура диссертационной работы определяется поставленной целью и решаемыми задачами и состоит из введения, трех глав, заключения, списка принятых сокращений, списка источников иллюстративного материала, включающего 70 позиций, и списка использованной научной литературы, включающего 215 работ отечественных и зарубежных авторов. Общий объем работы – 182 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении представлена краткая характеристика исследования, конкретизируются актуальность, научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость; определяются материал, объект, предмет и методы исследования; обосновываются цель и задачи диссертации; формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения о соответствии диссертации паспорту научной специальности и апробации результатов исследования, опубликованных статьях, структуре и объему диссертационной работы.

В первой главе «Теоретические основы исследования» прослеживается история изучения категории залога и залоговых конструкций в лингвистике, излагаются основные подходы к их рассмотрению, включая морфологический,

семантический, синтаксический, функционально-семантический и др., определяется степень изученности теории залога в удмуртском языкознании.

Основы изучения залоговых форм были заложены древнеиндийскими, древнегреческими, римскими грамматистами. Однако в отдельную категорию, обладающую лексико-грамматическими признаками, исследуемые формы впервые выделены в работе «Грамматика Славенския правилное Синтагма, потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого» (1648). Новую точку зрения в изучение категории залога внес М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755).

Исследования XIX в. характеризуются тенденцией к уточнению лексико-грамматического содержания категории залога по типу отношения действия к объекту. Определенный вклад в исследование вопроса внесли Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, И.П. Мучник, Н.П. Некрасов, Г.П. Павский, А.В. Попов и др.

В XX в. вопросы изучения категории залога отражены в трудах А.В. Бондарко, Л.Л. Буланина, В.В. Виноградова, С.О. Карцевского, С.П. Обнорского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, В.К. Поржезинского, А.А. Потемни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и др. Основные результаты исследования этого периода в целом сводятся к следующему:

1. Категория залога – это грамматическая категория, отражающая различия в отношении действия к субъекту и объекту.

2. Глагол имеет залоговое значение только при условии наличия в нем противоположных по залоговому значению и по синтаксическим связям коррелятивных форм.

Отдельного внимания требует универсальная типологическая теория залогов и диатез, предложенная А.А. Холодовичем. Согласно этой теории, диатеза (от греч. *diathesis* ‘залог’) определяется как схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня, а залог – как регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами семантического и синтаксического уровней. Предложенная теория позволяет увидеть полную схему допустимых соответствий между единицами синтаксического и семантического уровней.

В изучении категории залога в удмуртском языкознании, насчитывающей более чем двухвековую историю своего развития, выделяются три этапа:

1. Первый этап (со второй половины XVIII века по 1851-й г.) характеризуется определением терминологического аппарата залоговых форм глагола, а также попыткой выявить их грамматическое выражение. На основе русской грамматической традиции в исследованиях по удмуртскому языку используются дефиниции *действительное* и *страдательное значения*

(М. Могилин, В. Пуцек-Григорович), выделяются залоговые формы глагола: *актив* и *медиум* (F.J. Wiedemann).

2. Для второго этапа (с 1851 г. по 1957 г.) характерно более интенсивное изучение проблемы залогов в удмуртском языкознании. Пристальное внимание уделяется семантической стороне языковых явлений, а также разработке терминологии залоговых форм на удмуртском языке (Г.Е. Верещагин, И.В. Яковлев). Часть исследователей этого периода выделяют две формы залога: действительный и страдательный (А.И. Емельянов). Другими языковедами описываются пять залоговых форм: действительный, страдательный, средний, взаимный и возвратный (Г.Е. Верещагин, П.П. Глезденев, А.И. Емельянов). Глагольные единицы с формантом *-т(ы)*- относятся к категории наклонения глагола (А.И. Главатских, П.П. Глезденев).

3. Началом третьего этапа (с 1957 г. по настоящее время) в изучении категории залога является труд В.И. Лыткина «Понудительный залог в пермских языках» (1957), в котором корректируется содержание термина *залог*, формулируются основные критерии выделения понудительного залога. Опираясь на достижения русской лингвистической традиции, в качестве исходной терминологии ученый использует следующую дефиницию: «Залог – грамматическая категория, выражающая в форме глагола отношение действия, выраженного соответствующим глаголом, к объекту его, выраженному прямым дополнением, и к производителю этого действия». В.И. Лыткин впервые в пермских языках выделяет следующие залоговые пары: понудительный – непонудительный, возвратный – невозвратный.

Исследования современных авторов направлены на изучение отдельных аспектов залоговых форм удмуртского глагола.

Вторая глава «Типы каузативных залоговых конструкций удмуртского глагола» посвящена исследованию общих вопросов категории каузативного залога, а также выявлению особенностей функционирования конструкций с каузативным глаголом в современном удмуртском языке.

Исследование категории каузативности представляет собой специфический способ отображения объективной действительности, выраженной причинными отношениями. Выражение подобных отношений на языковом уровне тесно связано с понятиями каузальности и каузативности. Оба понятия восходят к латинскому *causa* ‘причина’ и выражают побудительное начало действий (или ситуаций). Отличительным признаком является то, что каузальность, отражая в широком смысле, отношения между причиной, условием, уступкой, целью и их следствиями, выражает семантические значения цели, основания, предлога, стимула, повода, довода, аргумента, предпосылки и др. значения. Идея каузальной ситуации на лексическом уровне предполагает, что некоторое

свойство одного субъекта стимулирует протекание изменений в другом субъекте или объекте. К примеру, в выражениях *Зубов кыысытыз кинжалзэ уськытйз* (М. Петров) ‘Зубов выронил из рук свой кинжал’ и *Васьлей агай приёмникез жёк вылэ пуктйз, шнурзэ борддорысь электропроводкаен герзэз но приёмниклэсь мазэ ке но берыктйз* (Г. Красильников) ‘Дядя Васyleй поставил приёмник на стол, шнур его соединил с электропроводкой на стене и повернул что-то на приёмнике’ активные субъекты *Зубов* и *дядя Васyleй* каузируют изменение местоположения объектов, а именно кинжала и приёмника.

Каузативность выражает общее каузирование и состоит из двух и более ситуаций (или участников), связанных отношениями каузации. Основное содержание каузативности заключается в побуждении объекта каузации со стороны каузатора к какой-либо активности или модификации его информативного состояния. Каузативность в удмуртском языке выражается каузативным глаголом, маркированным суффиксом *-т(ы)-*: *лэсытыны* ‘заставить (с)делать’, *гожъятыны* ‘заставить писать, записывать’. Помимо наделения семантики глагола принудительным значением, с помощью морфологического маркера *-т(ы)-* могут быть образованы транзитивные глаголы от интранзитивных: *улзыны* ‘ожить, воскреснуть’ – *улзытыны* ‘оживить, воскресить’, *бурмыны* ‘выздороветь, излечиться’ – *бурмытыны* ‘вылечить, исцелить’. Более того, суффикс *-т(ы)-* участвует в словообразовательном процессе. Деривационное значение выражается в вербализации имен существительных, прилагательных, наречий и послелогов: *ивортыны* ‘извещать, оповестить’ (от *ивор* ‘новость’), *чебертыны* ‘украсить, нарядить’ (от *чебер* ‘красивый, красиво’), *котыртыны* ‘обойти, окружить’ (от *котыр* ‘кругом, вокруг’), *жукыртыны* ‘скрипеть’ (от *жукыр* ‘звукподр. скрип, напр. телеги, обуви, деревьев’) и др.

В формировании диалектной корреспонденции участвуют следующие форманты:

1) *-дыр(ы)-/-тыр(ы)-* в буйско-таныпском, кукморском, бавлинском говорах: кукм. *аз-дъръ-нъ* или *азъ-тъ-нъ* ‘вызвать воспаление, воспалить’ (от *азъ-нъ* ‘воспалиться, разболеться (о ране)’);

2) *-тыры/-ттыры/-дыры* наряду с *-т(ы)-* в отдельных центрально-южных говорах: грах. *кэл’ыштын ~ кэл’ыш-тырын* ‘облюбовать, заставить понравиться’, *бэзытын ~ бэз-дырын* ‘отучить, отвадить’.

В качестве основных характеристик функционирования глаголов с маркерами каузативности в удмуртском языке можно назвать следующие:

1. Каузативные глаголы могут быть образованы от транзитивных и интранзитивных глаголов: *вуртыны* ‘заставить шить’ (от *вурныны* ‘шить’), *кутыныны* ‘заставить поймать, держать’ (от *кутыныны* ‘держаться, ловить’),

вераськытыны ‘заставить разговаривать’ (от *вераськыны* ‘разговаривать’) и др.: *Пальто, пöй, вурьтоно вал* (Г. Перовощиков) ‘Пальто, говорит, надо попросить сшить’; *Четкеров кышномуртэ кужмысь öз вераськыты ни* (П. Чернов) ‘Четкеров не стал силой заставлять женщину разговаривать’.

2. Каузативные глаголы, образованные от транзитивной единицы, могут содержать указание на: а) понуждающий субъект, б) понуждаемый субъект, в) объект действия: *Вылаз басьтэм обязательствоэз быдэстон вылысь, Надька соосыз музьемез дас сизьым–дас тямьс сантиметр мурда гырытйз* (Г. Медведев) ‘Чтобы выполнить взятое на себя обязательство, Надька заставила их пахать землю глубиной семнадцать–восемнадцать сантиметров’.

Каузативные глаголы, образованные от непереходной основы, чаще всего, содержат указание на: а) понуждающий субъект, б) понуждаемый субъект. Указание на прямой объект отсутствует: *Зэм верало, усто кыржан адымиез серекятэ но, бöрдитэ но* (Т. Архипов) ‘Правду говорят, хорошая песня человека и смеяться, и плакать понуждает’.

3. Каузативные глаголы могут быть образованы от рефлексивных глаголов: *кесяськытыны* ‘заставить кричать’ (от *кесяськыны* ‘кричать’), *вазиськытыны* ‘заставить откликнуться, отозваться’ (от *вазиськыны* ‘откликнуться, отозваться’), *вöлдйськытыны* ‘заставить распространиться’ (от *вöлдйськыны* ‘распространиться’) и др.: *Мишаез уд вала: ялан кызы ке котыръясагес вераське, сьолмысьтыз поттонтэмзэ шöдйськытыны турттэ* (С. Самсонов) ‘Мишу не поймешь: постоянно говорит какими-то кругами, пытается заставить почувствовать то, что не передашь от сердца’.

4. Каузативные глаголы могут быть образованы от глаголов с формой притворного действия: *иземьяськытыны* ‘заставить притвориться спящим’ (от *иземьяськыны* ‘делать вид, что спишь’) и др.: *Одйгез пияш гитараен шудэ, кыржамьяськытэ* (Г. Перовощиков) ‘Один парень играет на гитаре, заставляя делать вид, что поет’.

5. Каузативные глаголы могут содержать вторичную форму понудительности, что означает двойное побуждение к действию. Каузативные глаголы в этом случае образуются редуцированной морфемой: *улзытытыны* ‘попросить заставить воскреснуть’, *бурмытытыны* ‘попросить заставить вылечить’ и др.: *Вася Сабитэз бускельзэ дыртытытыны куриз* (Г. Красильников) ‘Вася заставил Сабита попросить его соседа, чтобы тот поторопил’.

6. В зависимости от цели высказывания, каузативная морфема может занимать в лексеме разные позиции. В тех случаях, когда нужно выразить многократность понуждения, понудительный суффикс ставится перед суффиксом многократности: *Маша Иванэз гождья-ты-л-йз* ‘Маша заставляла Ивана писать’ (неоднократно, периодами, несколько раз, время от времени заставляла

выполнять это действие). Если целью говорящего лица является необходимость подчеркнуть однократность понуждения и многократность выполняемого действия, выраженного основной глагола, то суффикс *-т(ы)*- занимает позицию после суффикса многократности: *Маша Иванэз гождъя-ля-т-йз* ‘Маша заставляла Ивана писать’ (заставила писать многократно, периодами, время от времени) и др.

7. Каузативные глаголы могут спрягаться по грамматическим категориям лица, числа, наклонения и времени: *Толэзь югытъя но ужатысалзы, дыр, кӧттыростэмъёс* (С. Самсонов) ‘И под лунным светом заставили бы, наверное, работать, ненасытные’.

Межкатегориальные отношения залоговой категории каузативности в удмуртском языке имеют связи с темпоральностью, аспектуальностью, модальностью, персональностью, что выражается в использовании различных областей языкового оформления каузативной ситуации.

Элементами субъектно-объектных отношений, выражаемых каузативными конструкциями, служат каузатор (Ca) – лицо, предмет или явление, которое оказывает влияние на объект каузации; агенс (Ag) – одушевленный активный участник ситуации, производящий действие, навязанное каузатором или инициатором, и осуществляющий контроль над ситуацией; пациенс (Pt) – одушевленный объект или объектив (Ob) – неодушевленный объект, над которыми выполняется действие. Каузативные ситуации в зависимости от микроконтекста могут быть представлены и без вышеназванных элементов. Субъектно-объектные отношения между ними регулируются каузативными глаголами с оттенками принуждающего влияния.

На основе анализа лингвистического материала, извлеченного из Национального корпуса удмуртского языка, можно выделить шесть типов каузативных залоговых конструкций удмуртского глагола:

1. Однообъектно-двусубъектные конструкции:

– Ca → Ag (-эз/-ез, -э, -эс/-ес, -ыз, -ты) → Pt (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): *Оло, экзаменын луэм учыр (Ca) монэ (Ag) Васяен эшъяськытйз но бератаз сое (Pt) Удмуртие но вуттытйз* (П. Чернов) ‘Может, произошедший на экзамене случай заставил меня подружиться с Васей, а впоследствии заставил привезти его в Удмуртию’;

– Ca → Ag (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты) → Ob (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): *Корреспондент татын кӧлэ, шуо, Петухов (Ca) сое куноя, луоз, милемыз (Ag) выж (Ob) лэсьтытэ* (С. Самсонов) ‘Говорят, корреспондент здесь ночует, наверное, Петухов его угощает, а нас заставляет строить мост’.

2. Однообъектно-односубъектные конструкции:

– Ca → Pt (или Ob) (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): *Трактористъёслэсь кылзйськыса, Ушаков (Ca) правлений куинь куреглы требование (Ob)*

гожтытйз (Г. Красильников) ‘Послушав трактористов, Ушаков в правлении попросил написать требование на три курицы’;

– Ag (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты) → Pt (или Ob) (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): Чаг (Ob) тйни дышетскисъёсыз (Ag) *нуллытйзы* (П. Чернов) ‘Щепки вот заставили носить учеников’.

3. Однообъектно-бессубъектные конструкции:

– Pt (или Ob) (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты, -ø): *Öйтөд, нянь ческыт потйз-а, өз-а Лаврентьевлы, нош кускыз шөдэм: чүказез ик площадка* (Ob) *лэсьтытйз* (С. Самсонов) ‘Не знаю, показался ли Лаврентьеву хлеб вкусным, но его поясница дала о себе знать: на следующий же день заставил площадку сделать’.

4. Безобъектно-двусубъектные конструкции:

– Са → Ag (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты): *Оло тон* (Са) *нылдэ* (Ag) *Мукылчинлы вöсьяскытөд?* (Е. Загребин) ‘Может, ты заставишь свою дочь молиться Мукылчину?’.

5. Безобъектно-односубъектные конструкции:

– Ag (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты): *Валентинаез* (Ag) *пианино шудэм улсын выльысь кырзатйзы, эктытйзы, этюд возъматыны куризы* (П. Чернов) ‘Валентину снова заставили спеть и станцевать под игру на пианино, попросили показать этюд’;

– Са: *Оля* (Са) *валаса озьы вандытэм: солэн кадь кизер йырсиез пунэтэн уг нулло* (Г. Данилов) ‘Оля осознанно попросила так постричь: такие жидкие волосы, как у нее, в косички не заплетают’.

6. Безобъектно-бессубъектные конструкции: *Чик чыдэтскытэк, пеймытысь пеймытозь ужатыса, уйин пытсэтын көлато* (М. Коновалов) ‘Совершенно не давая отдохнуть, заставляя работать от темна до темна, заставляют ночевать взаперти’.

Несмотря на то, что все три элемента каузативной конструкции обычно располагаются в порядке *Са–Ag–Pt (Ob)*, в зависимости от темы и ремы предложения, порядок следования компонентов может изменяться, в том числе возможна и инверсия, например, *Ag–Са–Pt (Ob)*: *Панихида лэсьтыны лыктэм поpez* (Ag) *бускельёс* (Са) *гуртазы молебен* (Ob) *лэсьтытйзы* (М. Кедрa) ‘Пришедшего провести панихиду поpa соседя заставяля провести в деревне молебен’.

Третья глава «Типы рефлексивных залоговых конструкций удмуртского глагола» посвящена изучению особенностей функционирования рефлексивных конструкций, содержащих глаголы с рефлексивным, медиальным, реципрокным, имперсональным, пассивным значениями. Здесь же выявляются межкатегориальные связи рефлексивного залога.

Рефлексивным залогом в удмуртском языке обозначается тип субъектно-объектных отношений, в котором отражаются различные отношения действий к его субъекту или объекту. Логические субъект и объект глагольного действия при этом совпадают в одном представлении. Действие выполняется в интересах субъекта. Специфическим маркером обозначения рефлексивного залога служат аффиксы *-ськ(ы)-*, *-ск(ы)-*, *-иськ(ы)-*, *-йськ(ы)*.

В формировании диалектной корреспонденции суффиксов рефлексива *-ськ(ы)-*, *-ск(ы)-*, *-иськ(ы)-*, *-йськ(ы)* участвуют следующие форманты:

-чк(ъ) < с' в кырыкмасских, граховских говорах: кыр. *ку-чкъ-нъ* (от *кутъ-нъ* 'начать') (удм. лит. *кутскыны* 'начать'), грах. *дышэ-чк-и* (от *дышэ-чкы-ны*, ср. *дышэты-ны*) 'я выучился' (удм. лит. *дышетскыны* 'учиться'); в качестве исключения в верхнечепецких говорах: вч. *да-чкы-н* (от *дас'а-с'кы-н* 'готовиться') (удм. лит. *дасяськыны* 'готовиться'); в заимствованных из русского языка лексемах в верхнеижских говорах: виж. *инт'эрэсова-чкы-ны* (удм. лит. *интересоваться карыны*) 'интересоваться'. Бесермянскому наречию характерны фонетические варианты маркера рефлексивности *-чък(ъ)-*, *-чик-*, *-џик-*: *ку-чък-ил'л'ам* (основа: *кут-*; удм. лит. *кут-йськ-ил'л'ам*, *кут-ск-ил'л'ам*) 'они начали, оказывается';

-скы- (с утратой *т*) в срединных говорах на территории Малопургинского и Вавожского районов: сред. *дышэ-скы-ны* 'учиться' (удм. лит. *дышетскыны*);

-к(ы)- (при сохранении корневого *т* или спорадическом изменении его в *к*) на большей территории срединных говоров Шарканского, Увинского, Селтинского, Завьяловского районов: *ват-кы-ны* '(с)прятаться' (от *ваты-ны* 'с(прятать)'), *питырк-кы-ны* 'скатиться' (от *питырты-ны* 'скатать');

-скы- с глагольными основами I спряжения с финальным *-ты* во многих северных говорах: сев. *дышэт-скы-ны* 'учиться' (от *дышэты-ны* 'учить', удм. лит. *дышет-скы-ны*).

Литературный вариант маркера рефлексива в сочетании с согласной основы *-ты-(ны)* используется в буйско-таныпском, татышлинском, красноуфимском говорах удмуртского языка: бт. *дышэт-ис'кы-ны* (удм. лит. *дышетскыны*) 'учиться, обучаться' (от *дышэты-ны* 'учить, обучать'); татш. *кут-ис'къ-нъ* (удм. лит. *кутскыны*) 'взяться, схватиться' (от *кутъ-нъ* 'поймать, схватить'); куф. *доңгис'кънъ* (удм. лит. *донгиськыны*) 'столкнуться' (от *доңгънъ* 'столкнуть'); в отдельных диалектах (кукморский говор, некоторые южные говоры). Однако в последнем случае отмечается выпадение конечного *-т(ы)* основы: кукм. *дышэ-с'къ-нъ* (но: *дышэть-нъ*) 'учиться, научиться', юж. (отдельные населенные пункты Алнашского р-на УР) *дышэ-с'кы-ны* (но: *дышэты-ны*).

Этимология форманта рефлексивности языковедами трактуется с разных точек зрения. Одни ученые отмечают общепермское (В.И. Лыткин), другие –

общефинно-угорское (Й. Синнеи, Б.А. Серебренников) и уральское (Т. Лехтисало) происхождение исследуемого аффикса.

Маркер может также обладать деривационной функцией. Так, при помощи суффикса *-ськ(ы)-* вербализуются именные части речи: *лул-ськы-ны* ‘вздохнуть, перевести дыхание’ (от сущ. *лул* ‘душа, дыхание’); *куата-ськы-ны* ‘капризничать’ (от прил. *куатали* ‘капризный’); *олокинъ-яськы-ны* ‘высокомерничать, зазнаваться’ (от мест. *олокин* ‘кто-то’); *матын-ськы-ны* ‘приблизиться, подойти’ (от нар. *матын* ‘близко, недалеко’) и др.

По принципу дифференциации залоговых значений глаголов с учетом признаков отношения раздельность-нераздельность субъекта и объекта действия и с учетом имеющегося опыта изучения категории залога в пермских языках, в удмуртском языке можно выделить следующие типы рефлексивных залоговых конструкций:

I. Конструкции с глаголами рефлексивного значения (S=O). На основе анализа степени воздействия вербальной единицы к действительному и воображаемому миру в данных конструкциях глаголы могут выражать а) тотально-рефлексивное значение, при котором действие субъекта целиком возвращается на него самого (*Пислэг мисьтаськиз но корка пыриз* (В. Ар-Серги) ‘Пислэг умылся и вошел в дом’); б) парциально-рефлексивное значение, когда действие выполняется некоторой частью тела субъекта или оборачивается на его определенную часть или поверхность (*Солдат Макаровлэн кияз кырмиськиз* (М. Петров) ‘Солдат схватился за руку Макарова’); в) побочно-возвратное значение, при котором действие возвращается опосредованно (*Лобзыны медэ вал но, ньөр борды шуккиськиз, тыбыр вылаз усиз* (Г. Красильников) ‘Намеревался взлететь но ударился о ветку, упал на спину’).

С учетом вышеуказанной классификации значений среди глаголов с рефлексивным значением в удмуртском языке можно выделить следующие лексико-семантические группы:

1. Глаголы со значением «производить туалет»: *Андрей но гылтйськыны малпаз – укыр эжокыт кабинаын, шоканы ик секыт* (Л. Нянькина) ‘И Андрей решил ополоснуться – в кабине очень душно, даже дышать тяжело’.

2. Глаголы со значением «действие со своей одеждой, обувью»: *Мати ури-бери кутчаськиз* (П. Чернов) ‘Мати быстро обулась’.

3. Глаголы со значением «нанесение себе вреда»: *Демилэн сюлэм быректэм вуэн посьвуаськиз кадь* (П. Блинов) ‘Казалось, что сердце Деми обожгло горячим кипятком’.

4. Глаголы, обозначающие когнитивные процессы, происходящие в субъекте: *Олексан пинал визьмыныз озьы вераське. Визьмаськоз али* (Г. Красильников) ‘Олексан смолоду так говорит. Образумится еще’.

5. Глаголы, обозначающие физические процессы, происходящие с субъектом: *Остап Зуевез матаз мыкырскыны косйз* (М. Петров) 'Остап попросил Зуева наклониться поближе'.

II. Конструкции с глаголами медиального значения характеризуются внутренней диатезой субъекта (S→) и включают в себя ряд значений, которые объединяет общее содержание действия субъекта, тогда как объект действия оказывается в принципе несущественным: *Кöня уй чик уг көл ни тол куазь: пужъятске, чильпаське, керттйське* (Л. Нянькина) 'Сколько ночей не спит уже зима: вышивает, вяжет кружева, занимается рукоделием'.

В литературном удмуртском языке представлены следующие группы глаголов с медиальным значением:

1. Глаголы медиально-занятийной семантики, выражающие постоянно или в течение длительного времени длящееся занятие. Чаще глаголами этой группы выражается род профессиональной деятельности (*дуриськыны* 'заниматься кузнечным делом', *вuzаськыны* 'заниматься продажей' и др.), занятие декоративно-прикладным творчеством (*вуриськыны* 'заниматься шитьем', *черсйськыны* 'заниматься прядением' и др.), ведение бытовых и садово-полевых работ (*октйськыны, утялскыны, утялтйськыны* 'убираться'), ведение преступной деятельности (*вораськыны* 'заниматься воровством', *вураськыны* 'заниматься вымогательством' и др.): *Чошен ик пелляськыса-пöртмаськыса но дауртйзы* (С. Самсонов) 'Вместе же занимались знахарством'.

2. Глаголы с семой изменения пространственной локализации, направления движения субъекта: *азьпалскыны* 'продвинуться вперед', *берланьскыны* 'продвинуться назад', *палэнтйськыны* 'отстраниться' и др.: *Малы Жакы ёзьёсызлэсь палэнтйськиз?* (П. Чернов) 'Почему Жакы отстранилась от сверстников?'; *Соку ми берытским* (В. Ар-Серги) 'Тогда мы обернулись'.

3. Глаголы с семой выражения внутреннего качества субъекта, изменения его психо-физиологического состояния (обретения или утери качества, свойства): *буйгатскыны* 'успокоиться', *кышкатскыны* 'испугаться', *веськатйськыны* 'успокоиться' и др.: *Ой бен кышкатскизы соос мынэсьтым, ой кыче кышкатскизы* (Л. Нянькина) 'Ох, испугались они меня, как испугались'.

4. Глаголы с семой начала действия, намерения, прекращения, фазовой характеристики глагольных действий: *кутскыны* 'начать', *дугдытскыны* 'перестать', *жэгатйськыны* 'задержаться' и др.: *Школаын но, Можга педучилищеын дышетскыкум но, мон кылбуръёсгес гожъяллай, нош Литературной институтысен веросьёс борды басьтйськи* (Л. Нянькина) 'Во время учебы и в школе, и в Можге я писала стихи, но с Литературного института взялась за написание рассказов'.

5. Глаголы с семой наделения субъекта неким предметом или лишения его: *кышнояськыны* ‘жениться’, *сяськаяськыны* ‘расцвести’ и др.: *Укно улын льёмпу сяськаяськем* (Т. Архипов) ‘Под окном расцвела (покрылась цветами) черемуха’.

6. Глаголы с медиально-возвратной семой, что одновременно соответствует коннотативным признакам медиального и возвратного значений: *дышетскыны* ‘учиться’, *сётскыны* ‘сдаться’, *медьяськыны* ‘наняться’ и др.: *Чош школаын дышетским* (В. Ар-Серги) ‘В школе вместе учились’.

7. Глаголы, семантическое наполнение которых включает императивный смысл: *кылзйськыны* ‘слушать, следовать’. Как правило, данная лексема образует в предложении речевую конструкцию, состоящую из деепричастия и зависимых от него слов: *Кузёзылэсь кылзйськыса, люкаськемёс кенос азе тубизы* (К. Емельянов) ‘Послушав своего хозяина, собравшиеся поднялись к амбару’.

8. Глаголы с безобъектным значением: 1) глаголы с активно-безобъектной семой, обозначающие характерные субъекту свойства, проявляющиеся в способности совершать действие, например, поведенческий код животного мира (*лекаськыны* ‘бодаться’, *чыжаськыны* ‘лягаться’, *чабьяськыны* ‘царапаться’): *Чёжи сыку, пинальёслэн кымесазы пуньыен шуккыло: «Ошти лекаське!»* (Г. Красильников) ‘Когда едят «чёжи», ложкой ударяют по лбам детей: «Бычок бодается!»; 2) глаголы с пассивно-безобъектной семой, обозначающие свойства субъектов через действия, вызванные внешними условиями (причинами) (*пальккаськыны* ‘расплескиваться’, *чигиськыны*, *тйяськыны* ‘ломаться’): *Но отын ву ярдурозь ик пальккаське* (П. Чернов) ‘А там вода до берегов расплескивается’.

9. Глаголы с семой автомативного, импульсивного действия, производимых субъектами самостоятельно по внутренним причинам: *Гурт пумысь пичи вырйылын жоген бадзымесь андан машинаос адскизы* (М. Петров) ‘Вскоре на пригорке на окраине деревни показали большие стальные машины’.

III. Конструкции с глаголами реципрокного значения (S1=O2, S2=O1) выражают взаимное или взаимно-возвратное действие, что подчеркивается множественно-дистрибутивными агенсами: *Урамысь адымиос ваньзы дырто кытчы ке, ог-огенызы шалтыр верасько тодмотэм кылын* (В. Ар-Серги) ‘Все люди на улице спешат куда-то, друг с другом разговаривают на незнакомом языке’; *Пинальёс жугисько, лэся* (У. Бадретдинов) ‘По-моему, дети дерутся’.

В литературном удмуртском языке представлены следующие лексико-семантические группы глаголов с реципрокным значением:

1. Глаголы физического действия: *Петя Макаров Галяен мыжгаськыны кутскизы* (С. Самсонов) ‘Петя Макаров с Галей начали биться кулаками’; *Ма соиз чок, дунне вылын ялан зыгырьяськыса но чупаськыса гинэ уд улы*

(Г. Красильников) ‘Ну ладно с этим, на земле, только обнимаясь и целуясь, не проживешь’.

2. Глаголы социального действия: *Гавриловен Ли́на, парьяськемзы бере, городэ ик кылизы* (Р. Валишин) ‘Гаврилов с Линой после того, как поженились, остались в городе’; *Нырысь ик, Ижевскын пумисько Лариса но Георг* (Т. Архипов) ‘В первую очередь, Лариса и Георг встречаются в Ижевске’.

3. Глаголы речи и вербального действия: *Мон янгыш... Быгатод ке... – моззиз Лариса. – Вай бур кидэ! – зечьяськизы соос* (Т. Архипов) ‘Я виновата... Если сможешь... – запнулась Лариса. – Дай правую руку! – они поздоровались’.

IV. Конструкции с глаголами имперсонального значения рефлексивного залога соответствуют рецессивной диатезе: Агент |↔|. Рецессивная диатеза (иначе безличный пассив) обозначает действие, при котором число валентностей глагола, обладающем определенным числом валентностей, уменьшается на единицу. Действие глагола совершается произвольно, имманентно, по не зависящим от носителя действия причинам внешнего характера. Носитель действия в конструкциях с глаголом имперсонального значения чаще не обозначается, но его можно определить из контекста: *Улйськиз ук, номыре адзйтэк* (Г. Красильников) ‘Жилось ведь, ничего не видя’; *Жадеменым озьы кылйське ни, дыр, – ассэ ачиз буйгатйз Дима* (Е. Загребин) ‘От усталости так слышится, наверное, – успокоил себя Дима’; *Эх, оломае но адзйськиз, чидаськиз ведь* (В. Ар-Серги) ‘Эх, всего навидались и натерпелись’.

Опираясь на тексты художественных произведений литературы и периодических изданий на удмуртском языке, на данный момент мы можем говорить о становлении имперсонального значения в литературном удмуртском языке. Очевидно, развивается оно так же, как и в коми языке, под влиянием грамматической составляющей русского языка.

V. Конструкции с глаголами пассивного значения соответствуют пассивной диатезе: O←-, где объект подвергается действиям со стороны субъекта. Глаголы употребляются в форме 3-го лица единственного и множественного числа: *Котькуд культура план нимысьтыз сётйське ук* (П. Чернов) ‘По каждой культуре выдается отдельный план’; – *Сыче ужсьёс, младшой сержант, лэсьтйсько командая* (В. Ар-Серги) ‘Такие дела, младший сержант, совершаются по команде’. В отличие от индоевропейских языков, в финно-угорских языках пассивным значением, как правило, обладает только то действие, производителем которого является одушевленное лицо (человек).

На современном этапе развития грамматического строя удмуртского языка пассивный залог как отдельная лексико-грамматическая категория глагола официально не выделяется, но можно утверждать о расширении пассивных значений в современном языке. Связано это с расширением сферы влияния

глаголов пассивного значения в современном языке в текстах официально-делового стиля.

Основными структурными типами оборотов с глаголами пассивного значения являются двучленные и трехчленные. Двучленные пассивные конструкции содержат в своем составе сказуемое и дополнение (или подлежащее): *Татын выль шахта лэсьтйське, нокыче юртъёс уг адзисько* (Ф. Пукроков) 'Здесь новая шахта строится, никакие дома не виднеются'; *Та удысын табере колхозъёслы бадзым эрик сётйське* (Г. Перевошиков) 'В этой отрасли колхозам теперь дается большая воля'. Трехчленные пассивные конструкции содержат в своем составе сказуемое, подлежащее и дополнение: *Соуз валамон ини, шуръёс чыписько адыми киосын, корабльёс кылдо адыми визьмын, книгаос гождйсько адыми сюлмын – котькытын адыми* (Р. Валишин) 'Это понятно, реки запруживаются людскими руками, корабли создаются людскими умами, книги пишутся людскими сердцами – на каждом шагу человек'.

На основе анализа лингвистических материалов можно сделать вывод, что наиболее распространенный тип конструкций с глаголами пассивного значения в удмуртском языке – двучленный. Сферой применения указанных конструкций является преимущественно письменная речь – научная и официально-деловая. Это проявляется в языке средств массовой информации, в публицистике: *Куназьмурт луыны мылкыд карисьёс кинюртэмъёс люканы кутскизы Ижкарын но. Ужрад кызьы но кытын нуиське?* (Иворъёс) 'Кандидаты на должность Главы начали сбор подписей и в Ижевске. Где и как ведется эта работа?'; *19-тй августозь шаерамы радьяське «Беги за мной» чошатскон* (Удмурт дунне) 'Марафон «Беги за мной» в республике продлится до 19-го августа' и др.

Широко распространено использование исследуемых глаголов в языке научных, научно-методических изданий. В качестве подлежащего в предложениях чаще используются неодушевленные существительные, в предложении также встречаются обстоятельства места': *Вань инъет луйсь но вылйи уровенен ужъёсты быдэстыны 45 минутэн сётйське. Ужамез дунъяку, котькуд шонер сётэм валэктонлы балл йылтыны сётйське* (Л. Бусыгина) 'На выполнение упражнений базового и повышенного уровня сложностей выделяется 45 минут. При оценивании работы за каждый правильный ответ дается балл'.

На основе анализа количественных данных можно утверждать, что в литературном удмуртском языке максимальной дистрибутивной нагрузкой обладают рефлексивные залоговые конструкции, содержащие глаголы медиального значения (34,5%), минимальной – конструкции, содержащие глаголы имперсонального значения (2,0%).

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются общие выводы, определяются перспективы дальнейшей работы в

заявленном направлении в аспекте выявления межкатегориальных связей с другими грамматическими категориями, а также изучения вопросов грамматической синонимии каузативных и рефлексивных конструкций. Выводы исследования будут способствовать постановке и решению новых актуальных задач удмуртской лингвистики.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

Статьи, опубликованные в изданиях, включенных в перечень ВАК РФ

1. Кондратьева Н.В., Костина К.Г. История изучения грамматической категории залога в удмуртской лингвистике / Н.В. Кондратьева, К.Г. Костина // Вестник угроведения. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 444–452. (Scopus)
2. Костина К.Г. Функционирование возвратного залога глагола в современном удмуртском языке / К.Г. Костина // Финно-угорский мир. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 358–368.
3. Костина К.Г. Системно-функциональные взаимосвязи категории залога глагола в удмуртском языке / К.Г. Костина // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6 (91). – С. 534–536.
4. Костина К.Г. Категория понудительного залога глагола в современном удмуртском языке / К.Г. Костина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 7 (121). – С. 2108–2112.

Статьи в других научных изданиях

5. Костина К.Г. Категория каузативности в удмуртском языке / К.Г. Костина // Приоритеты стратегии научно-технологического развития России и обеспечение воспроизводства инновационного потенциала высшей школы: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.М. Макаров. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. – С. 283–285.
6. Костина К.Г. Способы выражения категории каузативности в удмуртском языке (на материале рассказа Г.Д. Красильникова «Кошкисез мед кошкоз») / К.Г. Костина // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; сост. Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2019. – С. 144–146.
7. Костина К.Г. К вопросу о семантической структуре каузативных глаголов в системе современного удмуртского языка / К.Г. Костина // Материалы XXVII Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ – 2020» [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – Электрон. текстовые дан. (1500 Мб.) – М.: МАКС Пресс, 2020.

8. Костина К.Г. О каузативной функции междометий в удмуртском языке / К.Г. Костина // Материалы XLVIII итоговой студенческой научной конференции УдГУ / Отв. ред. А.М. Макаров. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. – С. 504–506.

9. Костина К.Г. О синтаксических средствах выражения каузативности в современном удмуртском языке / К.Г. Костина // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: материалы Междунар. науч. конф., г. Саранск, 8–9 октября 2020 г. / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. – Саранск: Изд. Центр Ист.-социол. Ин-та, 2020. – С. 144–148.

10. Костина К.Г. О семантической структуре каузативных глаголов в системе современного удмуртского языка / К.Г. Костина // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 32–34.

11. Костина К.Г. Выражение каузативности в рассказах детского писателя Г.С. Симакова / К.Г. Костина // «Ашмаринские чтения»: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 ноября 2020 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 97–99.

12. Костина К.Г. Фразеологические единицы как способ выражения каузативной ситуации в удмуртском языке / К.Г. Костина // Тезисы Второй школы-конференции по уралистике. – Москва, 2020. – С. 18–19.

13. Костина К.Г. Особенности перевода залоговых конструкций глагола с русского языка на удмуртский язык (на примере произведения А. Сент-Экзюпери «Маленький принц») / К.Г. Костина // «Шесталовские чтения»: материалы международной научно-практической конференции / под ред. О.Ю. Динисламовой. – Тюмень: ООО «Формат-72», 2021. – С. 142–145.

14. Костина К.Г. Из истории изучения понудительного залога глагола в удмуртском языке / К.Г. Костина // Тезисы Всероссийской очно-заочной научной конференции студентов и аспирантов высших учебных заведений «Слово и текст в культурном и политическом пространстве». – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. – С. 81–83.

15. Костина К.Г. Грамматическая категория залога глагола в учебниках удмуртского языка 1920–1940-х гг. / К.Г. Костина // Linguistic typology 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии: материалы II Международного симпозиума «Проблемы лингвистической типологии и культурологии», посвященного 90-летию Удмуртского государственного университета и удмуртского филологического образования в вузе (Ижевск, 28 мая 2021 г.). – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. – С. 134–139.

16. Костина К.Г. Категория залога глагола в морфологической системе удмуртского языка / К.Г. Костина // Взаимодействие этносов и культур в евразийском межкультурном пространстве: (к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН): сб. статей / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2021. – С. 273–275.

17. Костина К.Г. Лингвистические основы изучения глагольной категории залога / К.Г. Костина // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 23–26.